

Такой подход, когда ученые усматривают аллюзии там, где их вовсе не имели в виду и уж тем более не замечали сами греки и римляне, и оперируют представлениями, не свойственными античности, вообще характерен для многих современных работ⁹. К счастью, далеко не вся рецензируемая книга состоит из подобного рода пассажей – многие наблюдения и выводы автора интересны и плодотворны, заставляя переосмыслить источники, связанные с триумфом. Не приходится сомневаться, что книга Бирд станет важной вехой в изучении этого интереснейшего ритуала.

Литература

- Короленков А.В., Смыков Е.В. 2010: Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 1, 218–229.
Igenshorst T. 2005: *Tota illa pompa. Der Triumph in der römischen Republik*. Göttingen.
Igenshorst T. 2006: Roman Commanders and Hellenistic Kings. On the 'Hellenization' of the Republican Triumph // *Ancient Society*. 36, 51–68.
Morstein-Marx R. 2004: *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambr.
Münzer F. 1901: Cornelius (335) // RE. IV, 1439–1462.
Schröter M.-G. 2008: Der Theaterkomplex des Cn. Pompeius Magnus im Kontext seiner Politik // *Das Marsfeld in Rom. Beiträge der Berner Tagung vom 23.–24. November 2007* / Hrsg. J. Albers, G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler. Bern, 29–44.
Krasser H., Pausch D., Petrovic I. (Hrsg.) 2008: *Triplici invecus triumpho. Der römische Triumph in augusteischer Zeit*. Potsdamer Altertumswissenschaftliche Beiträge 25. Stuttgart.

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук, научный редактор
журнала «Новая и новейшая история»

⁹ Об этом см., например, Короленков, Смыков 2010, 225.

© 2010 г.

P. Bianchi. Iura – leges. Un'apparente questione terminologica della tarda antichità. Storiografia e storia. Milano: Giuffrè, 2007. XVIII, 207 p.

Работа Паолы Бьянки посвящена одной из любопытнейших терминологических проблем истории римского права постклассической эпохи: вопросу соотношения понятий «iura» и «leges» в юридических текстах Поздней империи. Интерес к терминологическому анализу памятников римской правовой мысли, который был характерен для эпохи «охоты за интерполяциями», в данный момент вновь становится одним из заметных направлений в научных исследованиях. Если до недавнего времени в этом жанре, характерной особенностью которого является определение прежде всего стилистических особенностей текстов, писал преимущественно Тони Оноре¹, то теперь можно назвать целый ряд авторов, в работах которых особое внимание уделяется сравнительному анализу употребления терминов в различных юридических источниках².

Проблема, рассматриваемая в монографии П. Бьянки, несмотря на обилие посвященной ей литературы по-прежнему не утратила своей актуальности. Описание системы источников права постклассической эпохи осуществлялось в научной и учебной литературе, как правило, в рамках дихотомии iura (или ius vetus³) и leges, где под первым подразумеваются сочинения классических юристов, а под вторым – конституции римских императоров⁴. Вместе с тем, Жан Годме еще в 1950 г. выступил с критикой данной концепции, а точнее, ее терминологической части, показав, что в юридических памятниках IV–V вв. и даже в юстиниановском Своде практически отсутствует связка iura – leges в

¹ См., например, Honoré 1978; 1998.

² См. Harries 1988; Amelotti 1994; Varvaro 2002 и др.

³ См. ниже.

⁴ Arangio-Ruiz 1947, 322–353; De Francisci 1948, 472–479; Karlowa 1885, 931; Krüger 1912, 295; ср. Покровский 1917, 226–233.

привычном для специальной литературы ее понимании⁵. Однако теория Годме не была воспринята научным сообществом, и концепция дихотомии источников постклассического права продолжила свое существование в уже утвердившемся терминологическом варианте⁶.

Работа П. Бьянки посвящена исследованию истории концепции дихотомии в историографии, а также анализу постклассических юридических памятников и состоит, таким образом, из двух основных разделов – историографического и собственно «терминологического».

Бьянки убедительно доказывает (с. 13–32), что автором теории дихотомии «юридические сочинения – императорские конституции» следует считать Ф.К. фон Савиньи⁷, который в своих работах «История римского права в средние века»⁸ и «Система современного римского права»⁹ предложил собственную концепцию системы источников постклассического римского права, которая впоследствии была интерпретирована в терминах «*iura – leges*». Первоначальная же гипотеза Савиньи, как показывает Бьянки, состояла в дихотомии «*ius – leges*», где первый термин обозначал сочинения юристов, а второй – императорские конституции. Подобная дихотомия существовала в юридической практике: в то время как в теории по-прежнему была принята классическая система источников права (сенатусконсульты, плебисциты, эдикты магистратов и т.д.), на деле нормативный материал мог быть обнаружен в сочинениях юристов, и постепенно, к началу V в., действующее на практике различие нормативно-правового материала получает терминологическое выражение в рамках дихотомии «*ius – leges*» (с. 14–22). Кроме того, историко-правовую концепцию Савиньи необходимо рассматривать в контексте его общетеоретических построений о проявлении «народного духа» в трех формах правотворчества – обычном праве, законодательстве и «праве юристов» (с. 22–26).

Именно под влиянием построений Савиньи в историографии утвердилась концепция дихотомии постклассических источников права (с. 33). Уже Пухта¹⁰ говорит о модели *iura – leges* (а не *ius – leges*, как у Савиньи) как характерной для позднеримской правовой системы (с. 34). Далее Бьянки отмечает распространенность указанной схемы в историографии (с. 34–39, 51–61), несмотря на критику Годме, которая, впрочем, была воспринята рядом исследователей¹¹. В целом терминология, используемая авторами для описания постклассических источников права, сводится к дихотомии «*iura – leges*», однако в отдельных случаях употребляется противопоставление «*ius (vetus) – leges*», когда *ius (vetus)* принимается как термин, обозначающий весь комплекс норм древнего права, и противопоставляется императорским конституциям, устанавливающим новые нормы права¹².

Во второй, собственно «терминологической» части своей работы (с. 75–176), Бьянки анализирует постклассические юридические памятники с целью дать ответ на следующие вопросы: во-первых, является ли указанная схема современным изобретением или она принадлежит римлянам; во-вторых, существовала ли (в постклассическую эпоху) именно такая концепция соотношения законодательных актов и юридической доктрины (с. 61).

Анализ текстов сводится к выявлению употребительности в источниках следующих сочетаний: *iura ac/et leges*; *ius et leges*; *ius et constitutiones* (с. 81), а также установлению их значения в каждом случае употребления. Автор отмечает, что сочетание «*iura – leges*» встречается в источниках постклассического периода крайне редко. В самом деле, Бьянки смогла обнаружить только четыре конституции за весь период с IV до начала VI в., относительно которых она с уверенностью может сказать, что в них встречается формула «*iura et leges*» (с. 84–85)¹³. Кроме того, формула встречается в прагматической санкции 554 г.¹⁴ Однако в результате анализа указанных текстов автор пришла к выводу, что только в двух из указанных текстов, а именно в Cons. 9. 5 (рескрипт Валентиниана и Валента) и в прагматической санкции Юстиниана, рассматриваемая формула действительно указывает на юридические сочинения и императорские конституции (с. 101). В остальных трех случаях указанное словосочетание представляет собой один из способов – который использовался, как можно видеть,

⁵ Годме (Gaudemet 1950) рассматривал скорее сочетание «*ius – leges*», а не «*iura – leges*», однако для него подобное различие не было, судя по всему, существенным, поскольку в любом случае выражало общепринятую концепцию дихотомии постклассических источников права.

⁶ De Giovanni 1980, 9; Falchi 1989, 9–11; Kaser 1959, 33–34; Talamanca 1990, 40–45; van der Wal, Lokin 1985, 14–15, 18; Waldstein, Rainer 2005, 236–237; Wenger 1953, 531.

⁷ К этому же выводу пришел и Годме (Gaudemet 1950, 250–251).

⁸ Savigny 1986 I, 27; II, 45.

⁹ Savigny 1849, XI.

¹⁰ Puchta 1841, 628.

¹¹ См. Barone-Adesi 1998, 1–3.

¹² Arangio-Ruiz 1947, 322–353.

¹³ CTh. 4. 11. 2 (349 г.); CTh. 2. 1. 10 (398 г.); Cons. 9. 5 (365 г.); Nov. Val. 35 (452 г.).

¹⁴ Appendix Nov. 7 (Sanctio pragmatica pro petitione Vigilii). 11.

крайне редко – обозначения всего комплекса правовых установлений постклассического общества (с. 101–102).

Далее автор рассматривает еще одну формулу – «*ius et leges*» (с. 102–120) и показывает, что она встречается в постклассических источниках¹⁵ гораздо чаще¹⁶, чем формулировка «*iura et leges*» (с. 102, 105, 119–120). Наиболее частое употребление модели *ius et leges* отмечается в V в. (с. 105), причем в текстах, созданных в Западной империи (с. 119–120). Впрочем, к этому выводу уже в 1950 г. пришел Годме¹⁷, о чем Бьянки не забывает упомянуть (с. 120). Вместе с тем, исследователь утверждает, что только в отношении Бревиария Алариха можно говорить о схеме *ius – leges* в смысле противопоставления «юридические сочинения» – «императорские конституции» (с. 117–118), и эту модель не следует распространять на все юридические памятники постклассического периода (с. 118, 120). Наконец, автор исследует сочетание «*ius et constitutiones*» (с. 120–129)¹⁸ и приходит к выводу, что в рассматриваемых источниках «*ius*» употребляется как обозначение всего комплекса правовых норм, как «право» в целом, а не как «юридические сочинения» (с. 126–128).

Следующий раздел «терминологической» части работы посвящен проблеме обозначения в юридических текстах постклассического периода императорских конституций (с. 131–138). На основании исследования таких памятников, как Кодекс Феодосия, *Novellae Posttheodosianae*, *Consultatio*, юстиниановской конституции «*Tanta*» и т.д., автор приходит к выводу, что в указанный период императорские конституции обозначались как *scita* (*divalia*, *principum*, *priora*, *nostra*), *edicta*, *constitutiones*, *constitutiones edictales et generales*, *rescripta*, *statuta*, и, наконец, *leges*; последний термин наиболее часто употребляется для обозначения императорских постановлений (с. 135). Аналогичный анализ постклассических текстов автор проводит в отношении положений юридической доктрины и отмечает, что последние обозначались как *responsa prudentium*, *veterum sententia*, *prudentium tractatus et responsa*, *scripta iuris prudentium*, *scita veterum iuris conditorum* и т.п. (с. 139–143).

Наконец, в следующей главе Бьянки уделяет внимание вопросу о том, какие же именно термины использовались в постклассических текстах для обозначения дихотомии «юридические сочинения – императорские конституции» (с. 145–172). Исследователь еще раз приходит к выводу, что формула *iura – leges* не употребляется (с. 145–146), а используются такие связки, как *constitutiones – prudentium tractatus et responsa*; *responsa veterum et legum nostrarum aeternitas*; *ius vetus – statuta* и т.п. Впрочем, анализ конституций императора Константина Великого приводит к заключению, что в них присутствует противопоставление *ius* (*vetus*) – *leges*, где первый термин относится к нормативно-правовому материалу предшествующей эпохи, а второй – к законодательным актам самого Константина (с. 152–153).

В результате автор приходит к предсказуемому выводу о неупотребительности в постклассическую эпоху формулы *iura – leges* как обозначения дихотомии юридических сочинений и императорских конституций и называет эту формулу изобретением современной историографии (с. 129, 177–179). Кроме того, Бьянки полагает, что значение другой, действительно достаточно часто встречающейся в источниках терминологической связки *ius – leges* сводится скорее к хронологическому различению источников, т. е. *ius* обозначает предшествующий нормативно-правовой материал, тогда как *leges* – новое законодательство (с. 177). Отмечается терминологическое многообразие (и, соответственно, отсутствие устойчивой парадигмы обозначения источников права, что, по мнению автора, отражает состояние неопределенности, в которой находились источники права Поздней империи – с. 178) постклассических текстов и подчеркивается необходимость изучения тех формул, которые в действительности использовались для обозначения форм позитивации права в эпоху поздней античности (с. 178–179).

Несмотря на, казалось бы, убедительную систему доказательств, выстроенную автором рецензируемой монографии, следует указать на целый ряд допущенных неточностей, которые можно разделить на два типа: ошибки или противоречия источниковедческого характера и недочеты, связанные с общим методологическим подходом.

Рассмотрим прежде всего недочеты, связанные с анализом отдельных текстов. Так, в рамках изучения предполагаемой терминологической антитезы «*ius – constitutiones*» разбирается текст императорской конституции CTh. 1. 1. 5 (с. 125–126):

¹⁵ Бьянки рассматривает следующие источники: Кодекс Феодосия, *Novellae Posttheodosianae*, *Consultatio veteris cuiusdam iurisconsulti*, *Lex Romana Visigothorum*.

¹⁶ См. CTh. 9. 44. 1 (386 г.); CTh. 3. 12. 3 (396 г.); CTh. 2. 30. 2 (422 г.); CTh. 14. 9. 3. 1 (425 г.); CTh. 8. 18. 9 (426 г.); Nov. Theod. 15. 2 (444 г.); Nov. Val. 32. 6 (451 г.); Cons. 6. 2, etc.

¹⁷ Gaudemet 1950, 236–238, 248.

¹⁸ На основании анализа Сентенций Павла, Кодекса Феодосия, программных конституций Свода Юстиниана («*Haec*», «*Summa*», «*Deo auctore*»).

Ad tanti consummationem operis et contexendos codices – quorum primus omni generalium constitutionum diversitate collecta nullaue extra se, quam iam proferri liceat, praetermissa inanem verborum copiam recusabit, alter omni iuris diversitate exclusa magisterium vitae suscipiet – deligendi viri sunt singularis fidei, limationis ingenii...

Бьянки приходит к выводу, что в данном контексте термин «*iūs*» обозначает совокупность правовых норм, устанавливаемых в законодательных актах, и правовых положений, содержащихся в сочинениях представителей юридической доктрины, но отнюдь не юридические сочинения, противопоставленные императорскому законодательству (с. 126). Однако если обратить внимание на то, что в тексте конституции речь идет о двух кодексах, один из которых должен был включить в себя императорские конституции, а другой – конституции и фрагменты юридических сочинений, с утверждением Бьянки нельзя согласиться без некоторых оговорок. В данном фрагменте, несомненно, присутствует противопоставление кодексов, но не на основании того, что в них содержатся соответственно императорские конституции или фрагменты сочинений юристов, а в связи с наличием или отсутствием противоречий между устанавливаемыми в них правовыми нормами: *omni generalium constitutionum diversitate collecta – omni iuris diversitate exclusa* (курсив мой. – Е.С.). Тем не менее, когда речь идет о кодексе, в котором собраны только императорские конституции, он обозначается как кодекс *generalium constitutionum*; когда же упоминается кодекс, содержащий не только постановления императора, но и фрагменты юридических сочинений, по отношению к нему употребляется термин «*iūs*», а не «*leges*», «*constitutiones*» и т.п. Поэтому данный текст не подлежит столь прямой толкованию, которое предлагает Бьянки, вырывая его из контекста конституции CTh. 1. 1. 5¹⁹.

Нельзя также принять предлагаемую интерпретацию фрагмента юстиниановской конституции «*Deo auctore*» (с. 127):

Deo auctore. 11: Ideoque iubemus duobus istis codicibus omnia gubernari uno constitutionum altero iuris enucleati...

В данном случае речь действительно идет о кодексе императорских конституций и о Дигестах, которые должны представлять собой кодекс «*iuris enucleati*». Таким образом, в тексте несомненно присутствует противопоставление «*constitutiones – iūs*» в значении «императорские конституции – юридические сочинения». Однако, утверждает Бьянки, Юстиниан должен был прямо указать, что в состав Дигест должны войти фрагменты сочинений юристов, в противном случае «*iūs*» может означать только «право» в общем значении, т. е. комплекс правовых норм, институтов и т.п. (с. 127). Если же, опять-таки, не вырывать рассматриваемый фрагмент из контекста, то можно обнаружить, что Юстиниан в полной мере удовлетворяет требование исследователя²⁰. Далее, анализ фрагментов

¹⁹ См. CTh. 1. 1. 5: Ex his autem tribus codicibus, et per singulos titulos cohaerentibus prudentium tractatibus et responsis, eorundem opera, qui tertium ordinabunt, noster erit alius, qui nullum errorem, nullas patietur ambages, qui nostro nomine nuncupatus sequenda omnibus vitandaque monstrabit. Ad tanti consummationem operis et contexendos codices – quorum primus omni generalium constitutionum diversitate collecta nullaue extra se, quam iam proferri liceat, praetermissa inanem verborum copiam recusabit, alter omni iuris diversitate exclusa magisterium vitae suscipiet – deligendi viri sunt singularis fidei, limationis ingenii; qui, cum primum codicem nostrae scientiae et publicae auctoritati obtulerint, adgredientur alium, donec dignus editione fuerit, pertractandum. – «Из этих трех кодексов и среди ответов и произведений юристов по отдельным вопросам, стараниями тех, кто составит третий кодекс, наш кодекс будет иным, в котором не будет ни одной ошибки, никаких неясностей, который, названный нашим именем, покажет, что всем следует соблюдать, а чего избегать. Для свершения такого замысла и составления кодексов, – из которых один, после собрания всех различных всеобщих постановлений императоров, не пропустив мимо себя ни одного, которое подобает обнародовать, не будет включать в себя множество бесполезных слов; второй же, после устранения всех различий в праве, приобретет значение наставления в жизни, – должны быть избраны люди исключительной добросовестности, утонченнейшего ума, которые после того, как представят нам первый кодекс и передадут его на общественное рассмотрение, приступят к разработке второго, до тех пор, пока он не будет достоин издания» (кодекс назван третьим после Грегорианова и Гермогенианова; здесь и далее перевод императорских конституций дан по кн. Сильвестрова 2007).

²⁰ См. Deo auctore. 4: Iubemus igitur vobis antiquorum prudentium, quibus auctoritatem conscribendarum interpretandarumque legum sacratissimi principes praeberunt, libros ad ius Romanum pertinentes et legere et elimare, ut ex his omnis materia colligatur... («Итак, мы приказываем вам относящиеся к римскому праву книги древних знатоков права, которым священнейшие принцепсы предоставили правомочие по составлению и толкованию норм права, и собирать и очищать, дабы из них была выделена вся суть...»).

конституций «Наес»²¹ и «Summa»²², предпринятый Бьянки (с. 127–128), представляется не совсем корректным в рамках изучения модели *constitutiones* – *ius*, поскольку эти вводные конституции к Кодексу Юстиниана содержат специфические инструкции по составлению кодекса императорских постановлений, поэтому *a priori* – за исключением особых случаев, когда император недвусмысленно говорит именно о сочинениях классических юристов²³ – не могут служить материалом для изучения проблемы использования термина «*ius*» для обозначения юридических сочинений²⁴.

Вместе с тем, автор не рассматривает в данной главе те тексты, которые, казалось бы, могут служить подтверждением ее толкованию термина «*iura*» как обозначения не сочинений классических юристов, а, скорее, правовых норм и установлений²⁵.

В главе, посвященной анализу терминологии, употреблявшейся для обозначения императорских конституций, автор упоминает рескрипты, рассматривая их в одном ряду с эдиктами, всеобщими конституциями, конституциями, изданными в форме эдикта и т.п.²⁶ Бьянки не отмечает специфику постклассических рескриптов, которые не были отнесены к категории *leges* или *constitutiones* ни в Кодексе Феодосия, ни в Кодексе Юстиниана²⁷. С другой стороны, в перечне терминов, которыми обозначались постановления императора, не упомянуты ни «*praecepta*», ни «*decreta*», ни «*adnotationes*», ни «*epistulae*», не говоря уже о прагматических санкциях. Таким образом, этот перечень можно считать далеко не полным и достаточно произвольным.

Рассматривая соотношение терминов «*ius*» и «*leges*» в законодательстве Константина Великого, Бьянки на основании текстов CTh. 1. 2. 2 и CTh. 1. 2. 3 делает вывод, что в ряде случаев «*ius*» обозначает нормативно-правовые акты предшествующей правлению Константина эпохи (с. 158–159). Однако именно указанные тексты не содержат никаких указаний на прежде установленные правовые нормы. В первой из этих конституций устанавливается, что противоречащие праву рескрипты не имеют юридической силы²⁸. Вторая конституция содержит норму, согласно которой те рескрипты,

²¹ Haec quae necessario. 2: Quibus specialiter permisimus rescatis tam supervacuis, quantum ad legum soliditatem pertinet, praefationibus quam similibus et contrariis, praeterquam si iuris aliqua divisione adiuventur, illis etiam, quae in desuetudinem abierunt, certas et brevi sermone conscriptas ex isdem tribus codicibus, novellis etiam constitutionibus leges componere et congruis subdere titulis, adicientes quidem et detrahentes, immo et mutantes verba earum, ubi hoc rei commoditas exigebat, colligentes vero in unam sanctionem, quae in variis constitutionibus dispersa sunt, et sensum earum clariorem efficientes... («И мы даровали специальное разрешение, чтобы они, устранив как излишние, с точки зрения цельности правовых норм, предисловия, так и схожие и противоречащие друг другу [конституции], если только это не обусловлено каким-либо различием [установлений] права, а также те, которые вышли из употребления, составили из этих трех кодексов и из новых конституций определенные и кратко сформулированные нормы и распределили по соответствующим рубрикам, добавляя или устраняя, а в целом – изменяя их [конституций] слова, где этого потребует польза дела, собирая в единую норму то, что рассеяно в различных конституциях, и делая их значение более ясным...»).

²² Summa rei publicae. 1: ...tollendis quidem tam praefationibus nullum suffragium sanctioni conferentibus quam contrariis constitutionibus, quae posteriore promulgatione vacuatae sunt, similibus etiam praeter eas, quae eadem paene sanciendo divisionem iuris aliquam facere noscuntur, ex qua dividendo vetera novum aliquid nasci videtur, multis insuper aliis ad rectam huiusmodi codicis compositionem pertinentibus isdem prudentissimis viris a nostro numine mandatis («...и следовало устранить предисловия, которые не содержали в себе установления правовой нормы, а также конституции, устанавливающие нормы, [противоречащие действующим правовым нормам], отмененные изданными позднее конституциями. Кроме того, мы дали подобные инструкции тем же наисведущим мужам относительно тех конституций, которые, хотя устанавливают почти одну и ту же норму, относятся к разным областям права, и на этом основании считается, что при разделении уже существующего [положения] рождается некое новое, и помимо этого [мы поручили] многое другое, относящееся к должному составлению этого кодекса»).

²³ См., например, Summa. 3: в этом фрагменте, впрочем, содержится противопоставление *constitutiones* – *veteris iuris interpretatorum labores*. См. ниже.

²⁴ То же самое можно сказать и об анализе вводной конституции Кодекса Феодосия CTh. 1. 1. 6 (с. 161–162).

²⁵ См. С. 1. 14. 2; С. 6. 61. 6. 1; С. 9. 9. 30.

²⁶ Edicta, constitutiones, constitutiones edictales et generales, rescripta, statuta, ordo iuris – ordo legum (с. 133).

²⁷ См. 1 и 2 титулы I книги Кодекса Феодосия и 14 и 23 титулы I книги Кодекса Юстиниана.

²⁸ CTh. 1. 2. 2: Contra ius rescripta non valeant, quocumque modo fuerint inpetrata. Quod enim publica iura perscribunt, magis sequi iudices debent.

которые были приняты с целью смягчения строгости правовых норм, обладают юридической силой только до принятия императором эдикта, регулирующего соответствующие правоотношения²⁹. Таким образом, в целом ряде случаев автор исследования демонстрирует довольно поверхностный подход к изучаемым источникам, поскольку не учитывает ни специфику некоторых текстов, ни контекст употребления анализируемой терминологии.

Вместе с тем, проблема использования в постклассических текстах различных терминов для обозначения источников права, несомненно, достойна изучения. П. Бьянки в данном случае следует по стопам не только Ж. Годме, но и другого исследователя постклассической античности – Дж.Г. Арки. Действительно, Арки отмечал, что в CTh. 1. 1. 5, а также в программных конституциях юстиниановского Свода для обозначения юридических сочинений используется не термин «*iura*», а такие словосочетания, как «*tractatus et responsa*» и «*veterum iuris interpretatorum labores*»³⁰. Кроме того, Дж. Бароне-Адези указывал, что в источниках постклассического периода термин «*iura*» мог обозначать как сочинения классических юристов, так и императорские конституции³¹. В целом же в научной литературе утвердился, по всей видимости, «компромиссный» подход к проблеме: хотя исследователи признают отсутствие достаточной терминологической базы для употребления формулировки «*iura – leges*», данная модель используется как удобный и привычный способ описания системы источников права постклассической эпохи³². Именно против этого и выступает Бьянки, призывая исследователей поздней античности обратиться к анализу тех терминов, которые действительно использовались в постклассических текстах для обозначения источников права (с. 178–179).

Нельзя не отметить, однако, существенный недостаток, свойственный используемому Бьянки понятийному аппарату. Критикуя концепцию *iura – leges* и анализируя юридические памятники постклассического периода, автор ставит в один ряд *veterum sententia*, *responsa prudentium* и *scripta*, *labores veterum iuris interpretatorum* (с. 139–143), допуская тем самым смешение таких понятий, как формальный источник (или форма позитивации) права и источник познания права. Вместе с тем, изучение категориального аппарата постклассических юридических памятников могло бы позволить автору сделать более точные и глубокие выводы об уровне правовой культуры позднеантичного общества. Отметим, в частности, сделанный Арки на основании исследования вводных конституций юстиниановского Свода вывод о том, что авторы этих конституций различают вышеуказанные категории³³.

Итак, несмотря на некоторые недостатки, присущие рецензируемой работе, она, несомненно, представляет значительный интерес для исследователей поздней античности и может послужить для них стимулом к отказу от шаблонных формулировок в изучении системы источников права постклассического периода.

Литература

- Покровский И.А. 1917: История римского права. 3 изд. Пг. (переизд. СПб., 1998).
Сильвестрова Е.В. 2007: *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М.
Amelotti M. 1994: Autografi e apocrifi di Giustiniano // *Storia, poesia e pensiero nel mondo antico*. Studi in onore di M. Gigante. Napoli, 15–22.
Arangio-Ruiz V. 1947: *Storia del diritto romano*. 5 ed. Napoli.
Archi G.G. 1971: Il problema delle fonti del diritto nel sistema romano del IV e V secolo // *Studi in onore di Giuseppe Grosso*. 4. Torino, 1–93.
Barone-Adesi G. 1998: *Ricerche sui corpora normativi dell'impero romano*. 1. I corpora degli iura tardoimperiali. Torino.
De Francisci P. 1948: *Sintesi storica del diritto romano*. Roma.
De Giovanni L. 1980: *Chiesa e Stato nel Codice Teodosiano*. Saggio sul libro XVI. Napoli.
Falchi G.L. 1989: *Sulla codificazione del diritto romano nel IV e VI secolo*. Roma.
Gaudemet J. 1950: «*Ius*» et «*Leges*» // *IVRA. Rivista internazionale di Diritto Romano e Antico*. Napoli. 1, 221–252.

²⁹ CTh. 1. 2. 3: *Ubi rigorem iuris placare aut lenire specialiter exoramus, id observetur, ut rescribta ante edictum propositum impetrata suam habeant firmitatem, nec rescribto posteriore derogetur priori...*

³⁰ Archi 1971, 90–92.

³¹ Barone-Adesi 1998, 3.

³² См. Lombardi 1957, 436.

³³ Archi 1971, 91–92.

- Harries J.* 1988: The Roman Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II // JRS. 78, 148–172.
- Honoré T.* 1978: Tribonian. L.
- Honoré T.* 1998: Law in the Crisis of Empire. 379–455 AD. The Theodosian Dynasty and its Quaestors. Oxf.
- Karlowa O.* 1885: Römische Rechtsgeschichte. Bd I. Lpz.
- Kaser M.* 1959: Das römische Privatrecht. Bd II. Die nachklassischen Entwicklungen. München.
- Krüger P.* 1912: Geschichte der Quellen und Litteratur des römischen Rechts. München–Leipzig.
- Lombardi G.* 1957: Рец. на: J. Gaudemet, La formation du droit séculier et du droit de l'Église aux IVe et Ve siècles, 1957 // SDHI. 23, 436.
- Puchta G.F.* 1841: Coursus der Institutionen. Bd I. Geschichte des Rechts bei dem römischen Volk mit einer Einleitung in die Rechtswissenschaft und Geschichte des römischen Civilprocess. Leipzig (Nachdr. Goldbach, 1997).
- Savigny F.K., von* 1886: Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. Bd I–VII. Aalen (Neudruck der 2. Ausg. Heidelberg, 1834–1851).
- Savigny F.K., von* 1849: System des heutigen römischen Rechts. Bd I. B.
- Talamanca M.* 1990: Istituzioni di diritto romano. Milano.
- Varvaro M.* 2002: Lo stile di Triboniano e la compilazione delle Institutiones di Giustiniano // SDHI. 68, 319–398.
- van der Wal N., Lokin J.H.A.* 1985: Historiae iuris Graeco-Romani delineatio. Les sources du droit byzantin de 300 a 1453. Groningen.
- Waldstein W., Rainer M.* 2005: Römische Rechtsgeschichte. 10. Aufl. München.
- Wenger L.* 1953: Die Quellen des römischen Rechts. Wien.

Е.В. Сильвестрова,
кандидат исторических наук